

ИСИХАЗМ И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСИХАЗМ»: К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЙ¹

1. К вопросу о дефинициях.

Понятие политического исихазма, введенное Г.М.Прохоровым еще в 60-е гг. прошлого века, в последний период все активнее используется и интенсивно исследуется; тема о нем имеет явную и растущую актуальность. В то же время, сам термин, на мой взгляд, нуждается в дополнительном продумывании и уточнении. Не занимаясь специально феноменом политического исихазма, я в то же время немало занимался изучением исихазма как такового, в том числе, и проблемой точного определения исихазма как духовного и антропологического явления; и я заметил, что термин «политический исихазм» предполагает в своем предмете такие свойства, которые несовместимы с определяющими чертами исихазма, противоречат его природе. Возникла необходимость тщательней разобраться в дефинициях, а также и рассмотреть более внимательно, каким явлениям эти дефиниции отвечают.

Не углубляясь в историю, не напоминая длинного набора определений исихазма, дававшихся Мейендорфом и другими авторами, я лишь кратко укажу сейчас современную трактовку, как она формулируется в дискурсе синергической антропологии.

Исихазм есть духовно-антропологический феномен следующего рода. Это – духовная практика, т.е. по определению, двойственная структура, диада или двуединство индивидуальной практики и соборной, общественной традиции, сообщества, объединенного задачей продуцирования, воспроизводства и трансляции определенного антропологического опыта, опыта практики. Т.о., данный феномен не заключен в рамках индивидуального существования человека, у него есть коллективно-исторические измерения. Но они не меняют его антропологической природы, ибо весь смысл и назначение традиции, включая и ее соборные измерения, – в хранении и передаче чисто антропологического опыта, опыта индивидуальной практики. Далее, еще существенно, что данная практика выделена и уникальна. Это – особая онтологическая практика человека, практика его восхождения к актуальному онтологическому трансцендированию, изменению собственного способа бытия. Как таковая, она носит альтернативный характер по отношению ко всей совокупности обычных эмпирических антропопрактик, как равно и практик социальных, культурных, политических и всех прочих.

Эта альтернативность, радикальная инаковость духовной практики и любых эмпирических практик часто недооценивается или вообще упускается из вида. В тезисах к сегодняшнему докладу можно прочесть: «Иисусова молитва фактически стала «политической молитвой», ориентированной на преображение православной ойкумены». Здесь полное – и совершенно недопустимое! – снятие грани между практикой духовной и политической. Нет и не может быть «политической молитвы», как и «политической литургии»², «политической Евхаристии»... и как не может быть «политической исихии» или же «политического сведения ума в сердце». Все это суть Богообращенные действия, актуализующие отношение человека к Богу, тогда как любые политические практики, по определению, актуализуют его отношение к полису, к социальной реальности. Никакая

¹ Замечания к докладу В.В.Петрунина о политическом исихазме (Семинар «Феномен человека в его эволюции и динамике», Москва, 18.04.2012).

² Лишь в качестве грустных анекдотов из эпохи безудержного политиканства, захватившего страну, мы читаем сегодня, как одни группы устраивали церковные службы «в пику» другим...

практика не может выстраиваться одновременно к Преображению, обожению и к некоей политической цели. В сфере политики – своя *политическая антропология*, свои жестко накладываемые модели поведения и стратегии действия. Это глубочайше не исихастские стратегии и модели, и если исихаст их усваивает и действует по ним – он уже не исихаст! И беспокоит, что вновь забываются эти прямейшие следствия сказанного еще в Нагорной проповеди: «Не можете служить Богу и мамоне» (Мф 6,24).

Теперь – что такое «политический исихазм». Как нетрудно видеть, в самом термине лежат уже указания на то, какой смысл он может нести. Перед нами простая языковая конструкция, в которой прилагательное конкретизирует, определяет природу существительного. Иначе говоря, политический исихазм – это исихазм, который имеет или приобретает политическую природу, представляет собой политическое явление или движение. Однако, как только что мы сказали, исихазм политической природы иметь не может! Это – духовная практика, и его природа – антропологическая, онтологическая, мистико-аскетическая, которая альтернативна политической природе и с нею несовместима. И отсюда вытекает простой вывод: *исихазм не может быть «политическим исихазмом»*. Мы не говорим этим, что «политического исихазма» не может существовать, но говорим, что в строгом смысле, такое название может носить лишь нечто, что является не исихазмом, а разве что «политизацией исихазма», которая подменяет его истинную природу – политической природой.

Конечно, все это – лишь формальные уточнения дефиниций, и пока они могут казаться пустой схоластикой, спором о словах. Но, как дальше увидим, сближение исихазма с политикой может происходить двояким образом, так что возникают два разных рода явлений и, чтобы не утратить существенные различия между ними, наши уточнения оказываются необходимы. Таким образом, их применение к реальным явлениям истории исихазма приносит содержательные следствия.

2. От дефиниций – к реальности.

Прежде всего, в свете наших уточнений нужно взглянуть на те явления, которым автор термина и понятия, Гелиан Михайлович Прохоров, дал изначально название «политический исихазм». Это – хрестоматийный пример Византии в середине 14 в., когда исихазм в период Исихастских споров и особенно после своей победы в них приобрел весомейшее влияние на все сферы жизни византийского социума, в том числе, и на сферу политики. Что нам сейчас важно в этом примере? – Важно, что, оказывая влияние на политику, сам исихазм, в чем нетрудно убедиться, отнюдь не изменил своей мистической и онтологической природе. Он не переродился ни в политическое, ни в какое-либо иное явление. В исихастском сообществе не было никакого отхода от исихастской практики, она не отодвигалась в сторону, не вытеснялась политической активностью и подвиг восхождения к обожению оставался единственной целью и назначением жизни исихаста. Исихазм здесь не приобрел политической (или какой-либо иной) природы взамен своей собственной, и ввиду наших уточнений, мы должны заключить, что *в этих византийских явлениях и процессах не возникало, строго говоря, какого-то нового «политического исихазма»*, а проявлял себя лишь все тот же, всегда равный себе, единственный подлинный исихазм.

С другой стороны, однако, в этих явлениях, несомненно, происходило необычное, даже небывалое сближение исихазма, исихастского сообщества, и сферы политики. Если мы не интерпретируем это сближение как появление политического исихазма, то как его надо квалифицировать, в чем его существо? – Ответ достаточно прост. Исихазм и политика – две глубоко различные, разноприродные сферы и чтобы они достигли

сближения, одна из них или они обе должны измениться. Поэтому, когда налицо их сближение, недостаточно просто констатировать его – следует рассмотреть, с каким именно изменением оно связано, какая из двух сфер менялась и применялась, приспособлялась к другой. Мы видим, что исихазм тут не изменял своей природы – и заключаем, что, стало быть, изменялась политика! Итак, в Византии 14 в. *не исихазм становился политическим, а политика делалась исихастской*, испытывающей влияние и воздействие исихастской традиции, исихастских начал. Подобные явления описываются в синергийной антропологии посредством таких понятий и терминов, как примыкающая практика и примыкающий слой. Политический класс Византии прибегал к указаниям исихастов, к исихастскому наставничеству, в некой мере усваивал исихастские установки – и в данных терминах это означает, что *политический класс включался в примыкающий слой исихастской традиции*. Это и есть искомая квалификация происшедшего сближения: становление не политического исихазма, а исихастской политики, исихастское претворение политической сферы, ее включение в примыкающий слой исихазма. Не политизация исихазма, но «исихастизация политики»: так мы прочитываем наследие Исихастского возрождения. (Напомним, кстати, что подобные же процессы происходили и в других сферах византийской жизни, прежде всего, в культуре. Культурный слой также делался примыкающим и влияния исихазма в искусстве были не менее значительны, чем в политике. Историки, искусствоведы сегодня изучают и очень подчеркивают их – однако не думают утверждать, что исихазм тут превращался в художественное явление и появился некий «художественный исихазм»...)

Аналогичный пример, хотя, по-видимому, и с меньшей степенью включения политического класса в примыкающий слой исихазма, можно видеть в Московской Руси в эпоху преподобных Сергия Радонежского и Андрея Рублева. Здесь также, как и в византийском Исихастском возрождении, примыкающий слой небывало растет и ширится, затрагивая все слои общества, влияния исихазма проникают русскую культуру, и все это – одна из главных причин, по которым о. Павел Флоренский утверждал, что эта эпоха – акмэ России. Но в то же время, сферы политики, власти, государственности в большой мере строятся под эгидой совсем других начал, далеко не исихастских, несущих в себе пренебрежение к личности; исихастизация политики здесь выражена гораздо слабее, чем в Византии 14 в. И эта же русская черта вновь проявляется в следующий период подъема исихастской традиции, в эпоху русского старчества 19 в. Благодаря этому новому явлению, примыкающий слой тогда снова необычайно вырос, снова ярко и сильно себя проявлял в культуре (достаточно назвать имя Достоевского) – и снова лишь слабо сказывался в политике, еще слабее чем в Московской Руси. В Имперской России отнюдь не складывалось исихастизации политики, и политический класс, класс государственный и начальственный, входил в примыкающий слой исихазма лишь минимально, в порядке редких исключений. Не стоит забывать об этой тенденции при оценке современных процессов.

Такова наша характеристика тех явлений, которые покрывались термином «политический исихазм» и которые мы находим более адекватным рассматривать как явления «исихастизации политики». Термин же «политический исихазм», по нашим уточнениям, должен скорее относиться к явлениям другого рода, в которых не политика подчиняется исихазму, но исихазм – политике. В таких случаях исихазм испытывает, если выразиться по Флоровскому, псевдоморфозу – извращение и подмену своей природы. Что можно сказать о таких явлениях в реальности, возможны ли они и возникали ли они в истории?

Что до принципиальной возможности, то она очевидна. Исихастская практика – энергийный, а не эссенциальный процесс, она актуализует лишь устремление, а не какую-либо неотчуждаемую «сущность человека», и это устремление к Богу, Которого никто не

видал никогда (1 Ин 4,12), всегда может быть утрачено и может подвергнуться любой подмене. Исихазм выражает этот неотменимый риск понятиями искушения, прелести, «удобопременчивости» и др. Как правило, обращают внимание на искушения, связанные с индивидуальным исихастским опытом – со страстями, ложными видениями и явлениями и т.п.; но несомненно, существуют и искушения, связанные со всею традицией, с исихастским сообществом в целом. Не только индивидуальный, но и общий, коллективный исихастский опыт также может оказываться ложным опытом, не отвечающим духовным заданиям традиции. И политический исихазм следует рассматривать именно как пример подобного *сообщественного искушения*.

Конкретные же воплощения этого искушения имеют, прежде всего, ту особенность, что они многолики, плюралистичны. Политика существует во множестве своих конкретных реализаций и, вступая в альянс с разными политическими формациями, исихастская традиция может порождать различные версии политического исихазма. При этом, понятно сразу, какие версии возникают наиболее естественно и легко: те, что связаны с *местной* политикой, с той средой, в которой существует исихастская традиция в данную эпоху, в данной стране и культуре. Уже много столетий, после крушения Византии, исихазм существует как совокупность местных, национальных ветвей. И ясно, что в таких ветвях почти с неизбежностью возникают тенденции к политизации в форме национализма: к тому, чтобы сузить универсальную духовную традицию до своей национальной, представить местные, локальные отличия своей ветви и ее связи с местной историей, властной традицией и т.п. как принадлежащие к самой природе исихазма. Иначе говоря, в существующих исторических условиях политический исихазм скорее всего реализуется как национальный, или националистический исихазм, как своего рода исихастская модуляция религиозного национализма.

В недавней истории существует весьма яркий, если угодно, эталонный пример такого национального исихазма. Это – сложившийся в 70-е гг. прошлого века гибрид румынского исихазма с «протохронизмом», идеологией национально-коммунистического режима Чаушеску. Здесь исихазм ставился на службу национализму самым откровенно-прямолинейным образом. Деятельность исихастской румыно-славянской общины в 18 в., созданной и возглавлявшейся преп. Паисием Величковским, представлялась как доказательство первенства и превосходства румынской духовности и культуры. Значение этой деятельности, ее плоды гипертрофировались до грани абсурда. Тот же факт, что сам старец Паисий румыном не был, успешно преодолевался даже двумя путями: во-первых, была выдвинута теория о его румынском происхождении (от адюльтера, якобы совершенного его матерью с эмигрантом-румыном!); а во-вторых, крупнейший исихаст-богослов о. Думитру Станолаэ в своем исследовании «Исихазм в румынской православной традиции» наставлял, что надо «показывать не только то, что Паисий внес в румынское монашество, но и то, что он от него получил»³. В рамках самой исихастской традиции, румынский исихазм утверждался как ее высшее достижение, неизмеримо превосходящее все другие ветви и исторические эпохи исихазма. Так, если в России был губительный конфликт между исихастами-нестяжателями и иосифлянами, то в Румынии был достигнут успешный синтез этих двух русл, мистического и социально-ориентированного, в деятельности князя Нягое Басараба (16 в.). Румынский исихазм «гуманизировал» исихазм византийский и сумел очистить наследие Паисия от «чрезмерного мистицизма» и даже «крипто-мессалианства». В акцентах на социальной активности исихазма, на его «гуманизации» и освобождении от «русского спиритуализма» и «мистицизма» проявлялись заметные усилия к сближению с социалистическими доктринами, входившими в официальную идеологию режима.

³ Filocalia sfintelor nevoitate ale desavarsirii. Trad., introducere si note de D.Staniloae. T. VIII. Bucuresti, 1979. P.581.

Данный пример весьма полезен; бесхитростно заявляя, что румынский исихазм – это «бесспорный центр мировой духовности» (Дан Замфиреску, один из крупнейших румынских медиевистов), он очень наглядно показывает, что такое политический исихазм в чистом виде. Задачи наших замечаний сугубо концептуальны, и мы не будем рассматривать каких-либо других примеров. Скажем только, что политизация и национализация исихазма представляют перманентное, непреходящее искушение для каждой из его локальных ветвей. Тенденции в этом направлении можно обнаружить сегодня и в Греции, и в Сербии, и в России. Если политика становится исихастской лишь в эпохи подлинного подъема традиции, то исихазм может редуцироваться в политический исихазм в любое время – тем паче что в наши дни очередная аватара политического исихазма вполне может возникнуть и существовать всего лишь как симулякр, медийный идеологический конструкт, без всякой причастности к нему реального исихастского сообщества. Нередко в этом заинтересована и это стимулирует сама политика, то есть власть: ибо исихазм концентрирует в себе немалый духовный авторитет, и альянс с ним позволит власти эксплуатировать этот авторитет, зачислить его в свой политический капитал, а то и сделать исихазм идейным оружием для побивания врагов. В частности, этот фактор явно имеет место в сегодняшней России. Априори возможно, однако, и противоположное, политизация исихазма может носить и характер противостояния власти, альянса с оппозиционной политикой... Религиозно-политические процессы в современной реальности смешанны и сложны, и при их анализе весьма небесполезно иметь в виду указанное нами различие между исихастской политикой и политическим исихазмом.

2012 г.